

КАТЕГОРИЯ ДЕТСКОСТИ В ОНТОЛОГИИ И. ШМЕЛЕВА

Три произведения И. Шмелева («Лето Господне», «Богомолье», очерк «Старый Валаам») писались практически в одно время. К 20-м годам относятся «первые опыты в создании религиозно ориентированных художественных книг»¹, с середины 30-х годов «произведения Шмелева обретают особую духовную глубину»².

Евангельская категория детскости, необходимая для постижения сущности духовного пути художника, ищущего себя в православной вере, становится этической и эстетической доминантой художника. По верному наблюдению И. Ильина, «с тех пор, как существует русская литература, впервые (выделено автором. – И. К.) художник показал эту чудесную встречу мироосвящающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой...Шмелев показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь – из сердечной глубины верующего ребенка»³. В произведениях Шмелева детскость проявляется не только в выборе точки зрения, но и на других уровнях.

В очерке «Старый Валаам» повествование ведется от лица человека, вспоминающего свое 40-летней давности путешествие на Валаам. Видение взрослого, осознающего смысл Божьего замысла о человеке, лишь вскользь упоминается в «Лете Господнем» и «Богомолье». Вероятно, младенческий взгляд исчерпывающ в своей полноте. Несмотря на это существенное различие, в очерке детская тема не только продолжена, она при внешней второстепенности, определяет сущностные особенности всей книги и в целом мировоззрение Шмелева 30-х годов.

¹ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. С. 134

² Там же. С. 140.

³ И. А. Ильин. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 6, кн. 2. М., 1996. С. 127

Ильин заметил, что глубина православной веры проявлена через быт. Для Шмелева важна переключка церковного календаря в «Лете Господнем» и «Старом Валааме». В очерке «Старый Валаам» упоминается, что «Валаам вчера праздновал Преображение Господне»¹. Показательна символика этого праздника, знаменующего собой будущий век. На горе Фавор три апостола получили свидетельство о Христе как Сыне Божиим. Просветившееся как солнце лицо и одежда Христа показали начало будущего блаженства для тех, кто уверует в Иисуса. Важно, что первая радость автора на Валааме – это детское впечатление, передающее указанную гармоничность мира и человека. «И этот забытый мир, отошедший куда-то с детством, – пришел, ж и в о й. Помните, в раннем детстве видали в церквях иконы с «пейзажами»? На первом плане – большой Святой, и свиток в его руке белеет над синим морем, над бурыми холмами, над городком? Таинственный мир, чудесный *детскому* (курсив мой – И. К.) глазу видимый, *детскому* сердцу близкий»². Это чувство вспоминается в связи с молитвенным образом праздника Преображения Господня. «Как раз об этом рассказывал на экзамене, когда поступал в гимназию. И вот тоже 7 августа, как тогда, – такой же солнечный день, с северной крепкой свежестью – и вижу, как тогда и я в и д е л, Преображение Господне. Только тогда был Горкин, рассказывал про «трех Спасов» и утешал: «не робей, впусьят тебя в училищу»³. В очерке плотник упоминается несколько раз, и это ключевые для становления души моменты, смысл которых проблемно-тематически и художественно переключается с эпизодами «Лета Господня» и «Богомолья». Горкин привносит чистоту евангельской детскости в эти произведения. Детскость Горкина проявляется и в его мальчишеском увлечении голубями, и в его эмоциональной связи с религией. В «Лете Господнем» о старом плотнике сказано: «Читает он, пожалуй, хуже меня, но все почему-то знает, чего даже и я не знаю»⁴. В детском восприятии рассказчика Горкин сияет подобно преображенному Христу /«маленькое лицо, сухое, как у угодничков, с реденькой и седой бородкой, светит-

¹ Шмелев И.С. Старый Валаам. М., 2006. С. 13

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 100.

ся, как иконка... Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергей Преподобный»¹.

Первое открытие, сделанное во время посещения Валаама, передано в восторженной реплике повествователя о Антипе: «Узнал у вас самое важное, самое глубокое... понял, как в к у ш а ю т х л е б н а с у щ н ы й ... и что такое... в к у ш а т ь!»². Это взрослое прозрение приходит как озарение вместе с воспоминанием о молитве Господней, воспринятой от Михаила Панкратовича. «В детстве, Горкин мне говорил, плотник наш: «кушай, милоч... это хлебушка наш насущный, заработали мы его с тобой... крестись, на хлебушку всегда креститься надо, дар Господень». Тогда и я в к у ш а л – и с каким же благоговением! – кислый рабочий хлеб, с плотниками, в артели, и необыкновенно сладок был этот «хлеб насущный», забытый в детстве»³. Возможно, поэтому в «Лете Господнем» Горкин, обучая воспитанника «святому делу», обещает ему подарить вырезанную самим ложечку: «Станешь щи хлебать – глядишь, и вспомнишь»⁴. Эта художественная деталь разворачивается в «Старом Валааме», когда в церковной лавке студент-автор спрашивает всякие безделицы, чем смущает монахов, а выбирает в итоге – ложечку. В одном из ключевых моментов очерка – посещении Большого Скита – Шмелев мастерски расставляет акценты, передавая состояние студента-нигилиста. Точка зрения становится объемной от того, что детский взгляд в ней остается тем же истинным, а сегодняшний автор иронизирует по поводу своего всезнайства. Схимонах требует от него чтения Псалтыри. «Мне тесно. И не могу послушаться, неловко как-то. И стыдно, что осрамлюсь. Мелькает в мыслях: «может быть, он п р о в и д е ц... знает, что пришли «из любопытства»... и н а р о ч н о, чтобы пристыдить, экзаменует?.. В волнение вглядываюсь в строки – поразобратся в титлах... и – радость! Знакомое... с детства помню. Из «Шестопсалмия»! С Горкиным читали, от всенощных осталось крепко»⁵.

¹ Там же. С. 77.

² Шмелев И.С. Старый Валаам. С. 48.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 91.

Влияние Горкина на юного героя не односторонне. Плотник почитает детскость в своем воспитаннике и в окружающем мире именно как младенчество и чистоту, которые внемлют иному Царству. Так, Михаил Панкратович в «Лете Господнем» только ребенку рассказывает свой сон об умершем Мартыне: «Ладно, скажу тебе, доверюсь. Вот ты и поймешь... нету упокойников никаких, а все живые у Господа»¹. Еще более важное подтверждение особого места детскости в системе ценностей Горкина мы найдем в «Богомолье». Именно Горкин просит в разгар работ разрешения на паломничество в Троице-Сергиеву Лавру. Его слова: «Делов-то пуды, а она – туды!» – заставляют Сергея Ивановича пересмотреть свое решение и отпустить с плотником Ивана. В неосознанном построении души воспитанника ключевым становится эпизод, когда Михаил Панкратович посвящает ребенка в свой грех, прощенный и родителями погибшего подмастерья, и юридическим судом, и монастырским покаянием. Совесть, воспитанная православными представлениями о грехе, не дает покоя Горкину всю жизнь. Перед общением со старцем Варнавой он посвящает мальчика в свою историю. Вероятно, это кульминационный момент – испытание чистоты младенческой души. Горкин не думает о возможных тяжелых последствиях разговора для психологического состояния впечатлительного ребенка. У него не возникает таких мыслей в силу абсолютной веры в чистоту младенческой души, способной интуитивно верно почувствовать грех и даже дать ему оценку. «Младенец ты, душенька твоя чистая» – это перевешивает все педагогические сомнения. И вот следствие веры самого Горкина и душевной чистоты «младенца» после общения со старцем в Лавре: «Уходя, Горкин целует меня в маковку и шепчет на ухо: А ведь верно ты угадал, простил грех-то мой!»².

Исключительная вера Горкина в своего воспитанника проявляется в отношении плотника к детской молитве, что не однажды спасает героя (особенно накануне смерти отца). Детскость подчеркивается в других героях именно в моменты, когда нужно указать на чистоту помыслов, бескорыстие, наивно-верные пред-

¹ Там же. С. 265.

² Шмелев И.С. Указ. соч. С. 507.

ставления о справедливости. Например, Федор, собирающийся стать монахом, так характеризуется Антипушкой: «Ах ты, душевный человек какой... простота ты... Чистое ты дите вот»¹. В облике Анны Ивановны акцентировано внимание на внешнем качестве, существенном для понимания глубины ее поступка: «Крупная ты, а руки у тебя маленькие, дитевы словно». Радостно подхватывает Анна Ивановна: «Видите, я какая... совсем дите!»². И в этом восклицании тот же смысл, что в горкинском понимании детскости. Значит, зла не будет, грех будет побежден, смерти нет, у Бога все живые. Это все, что несет с собой детскость, она же «немудрость», поправшая ученость. В вербное воскресенье Горкин обращает Ваню к фрагменту Евангелия, связанному с детьми, при этом он смешивает разные евангельские события, путает фарисеев и учеников, вероятно, этим лишь подчеркивается его «неученное», но сердечное отношение к священной книге. «А Христос сказал им (фарисеям – И. К.): «не мешайте детям ко мне приходиться и возглашать Осанну, они сердцем чувствуют...» – дети-то все чистые, безгрешные, – «а дети не будут возглашать, то камни-каменные возопиют» – во как! Осанну возопиют, прославят. У Господа все живет. Мертвый камень – и тот живой. А уж верба-то и подавно живая, ишь – цветет. Как же не радоваться-то, голубок!..»³. Горкин, отчасти и именем намекающий на путь (Фаворская гора – символ духовного восхождения христианина), через бытовое, понятное ребенку уподобление доносит до него прописные истины православной этики.

Младенческая чистота и одновременно укорененность в земном отражается в описании Валаамского паломничества. При посещении водопровода на Валааме Шмелев вспоминает, что в действиях их гида 16-летнего мальчика «сквозь эту осмысленность так сквозила наивность – детскость и... радость». И далее: «А я-то думал косный народ монахи. А эти монахи – сплошь простаки-крестьяне – знали неизмеримо больше меня, студента, в делах «земных». А в «неземном»... – что уж тут говорить. Они постигли *сердцем* великую поэзию молитвы»⁴.

¹ Там же. С. 452.

² Там же. С. 368.

³ Там же. С. 284.

⁴ Шмелев И.С. Старый Валаам. С. 62.

Детскость проявляется в отношении к чуду. Провидческий смысл жизненных явлений, открывающийся опытному Шмелеву, воплощен во всех этих произведениях и подытожен в неоконченном романе «Пути небесные». Бытовой деталью – встречей с лисичкой, не боящейся людей, Шмелев уравнивает природный, Богом сотворенный мир, и монахов, в своем подвиге живущих во славу Божию. Над всем этим виден детский чистый взгляд на мир и рассказчика-ребенка, и взрослого рассказчика, и Горкина, описанного им с почтением и благодарностью. Интересно, что появившись неясной думой в прежней студенческой самой нигилистической поре Шмелева, мысль о провидческом смысле жизни проверяется детской чистотой его героев, его самого, а потом находит подтверждение в итоговых произведениях автора и в самом финале его жизни. «И тогда еще, в юные, безоглядные дни, ... наплывали неясно думы, что все, что ты знаешь, школьного, выбранного из книг, случайного... – все это так ничтожно перед тайной жизни, которая вот раскроется чудесно, которую, быть может, з н а ю т кроткие эти звери,.. недрами как-то знают... которую знают д у х о м отшельники по скитам, подвижники, тяготеющие земным»¹.

Подытоживая воспоминания о поездке, Шмелев указывает на ее промыслительный смысл, открывшийся позже. Крики журавлей ассоциативно переключаются с теми валаамскими, натолкнули на выбор писательства и обретения себя на этом пути, ведущем всю жизнь Шмелева к православию. Шмелев пишет: «Эти две «встречи» слились в о д н о. С того и началось писательство»². Первый после десятилетнего перерыва рассказ был детским («К солнцу»), и послан он был в «Детское чтение». С этого начинается долгий путь возвращения к детскости, к себе.

Итак, детскость у Шмелева предстает, во-первых, как критерий истинности христианских ценностей (грех, покаяние), во-вторых, как проекция чистоты восприятия мира, в-третьих, как способ познания мира (когда «немудрое», сердечное оказывается выше «мудрого» логического знания), в-четвертых, как характери-

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 112.

стика лучших, православных в своей сущности, человеческих качеств персонажей. Выражается сказанное через специфику авторской позиции, бытовую деталь, способ построения диалога и внутреннего монолога, символику православных праздников. В целом детскость у Шмелева (особенно с 30-х годов) – один из путей приближения к Первообразу, тому в людях, что проявится в будущем, когда после второго пришествия Христа человек воскреснет.

С.Ю. Николаева

ХРИСТИАНСКИЙ ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Проблема изучения связей древнерусской литературы с русской литературой нового времени существует достаточно давно, и мы не можем не учитывать этих связей, если стремимся познать глубинные закономерности национального литературного процесса. Не говоря уже о Достоевском, Толстом, Лескове, Чехове, Блоке, ни один крупный художник современности, в частности Ф. Абрамов, Д. Балашов, В. Крупин, не прошел мимо такой сокровищницы сюжетов, мотивов, образов, идей, какой является древнерусская литература. И, конечно же, Юрий Поликарпович Кузнецов сполна зачерпнул из этой сокровищницы, зачерпнул не потребительски-подражательно, не из рационалистически-просветительских побуждений, чтобы лишний раз напомнить русскому человеку о его корнях, хотя и это было бы благим делом, – Юрий Кузнецов щедро пополнил тот источник, из которого брал, собственными художественными открытиями, глубокими идеями.

Ю. Кузнецов оказался в этом отношении и традиционен, и оригинален. Традиционен потому, что взялся за те мотивы и образы, которые разрабатывались до него поколениями русских писателей и поэтов и которые принято называть национальной топикой русской истории и культуры. Это те мотивы и образы, которые формируют русскую национальную картину мира. Сам Ю. Кузнецов говорил: «Я осваивал поэтическое пространство в основном в двух направлениях: народно-